

Сергей Котов

НАБЛЮДАТЕЛЬ

Сергей Котов
Наблюдатель

«Автор»

2023

Котов С.

Наблюдатель / С. Котов — «Автор», 2023

Возможность жить, где угодно, не думая о работе и документах. Возможность путешествовать столько, сколько вздумается. Возможность знать то, что недоступно другим. Проникать туда, куда больше никому нет доступа. И всё это не просто так: ведь мир захватывают страшные паразиты, против которых даже могучие межзвёздные цивилизации не могут придумать средство. Чтобы научиться бороться с ними, нужно всего лишь наблюдать: пристально, внимательно, не представляя, что ищешь. До тех пор, пока не найдёшь искомое.

© Котов С., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1. Адреналин	5
Глава 2. Статика	7
Глава 3. Аэродинамика	10
Глава 4. Приглашение	13
Глава 5. Горы	21
Глава 6. Похороны	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Сергей Котов

Наблюдатель

Глава 1. Адреналин

Завтра у меня день рождения. Мне исполняется восемнадцать. Многих ребят моего возраста эта дата радует. Можно свободно покупать бухло в магазинах. Или жениться. Как будто и то и другое может быть пределом мечтаний.

Возможно, когда-то так оно и было – в древние времена, когда дети действительно до восемнадцати не пробовали алкоголь и не имели секса. Пишут, что в СССР так было. Вроде как без «Тиндера» с поиском партнёров были большие проблемы. Да и договориться с кем-то о покупке водки или вина было невозможно, за это сразу сажали. Доставки тоже не было. Некоторые даже пишут, что одно время даже законодательно запретили бухать. Но, мне кажется, это совсем бред и недопонимание. Наверно, просто ограничивали продажу – ну как сейчас, чтобы только до двадцати одного часа, чтобы за добавкой нельзя было сбежать. А демократы это использовали, чтобы Союз потом как можно больше народу хейтило.

В общем, меня эта дата никак не радовала. Бухать я пробовал. Вообще не моё. Секс у меня тоже был. Лучше, чем бухло, чего уж там – но о серьёзных отношениях я пока не задумывался. Постоянной девушки у меня не было. Не потому, что я бы не хотел – просто рядом со мной они надолго не задерживаются. Считают психом. И, если уж на то пошло, есть, за что.

Это потому, что я ничего не боюсь. Мама иногда шутит, что мне боялку во время родов отморозило – я появился на свет в машине «скорой помощи», зимой, в январские холода. В нашей деревне подъезды завалило, и машина застряла по пути в больницу. Фельдшера умудрились принять роды, но с горючкой в машине были проблемы. Экономили её, чтобы помощи дожждаться. Температура в салоне выше плюс десяти не поднималась. Нас укутали, чем было – но всё равно, когда спасатели до нас добрались, меня забрали в реанимацию из-за гипотермии. Тётка рассказывала, что у меня сердце несколько раз останавливалось, с того света вытащили. Может, и гонит. Она вообще подбукнуть любит, и под этим делом её на поболтать тянет. И язык у неё, как бабуля говорила, «без костей». За базаром вообще ни разу не следит.

Как-то после посиделок по случаю её приезда к нам в гости, когда мама уже спать пошла, тётка доверительно сообщила, что я вообще на свет не должен был появиться. Что беременность, типа, была «аварийная». Мама аборт хотела делать, но по каким-то причинам закрутилась и пропустила срок, когда это было возможно. Конечно, я не хотел в это верить. Но, судя по тому, как быстро слился папаша – такую версию моего происхождения исключать тоже нельзя.

Не то, чтобы я как-то сильно переживал об этом. Ну родился и родился. Повезло. А если б и не родился – кому было бы об этом сожалеть? Уж точно не мне. Ха-ха.

А маме спасибо уже хотя бы за то, что смогла в Москву перебраться. Да не просто перебраться: всего через два года по съёмным углам она квартиру прикупила. Не топчик, конечно – однушка в Бутово, но по сравнению с родным Челябином так просто космос.

Я к тому времени уже в школу ходил. На районе там жестко было: особенно для парней вроде меня, кто пошёл по временной регистрации. Об этом узнавали каким-то образом, ну и начиналось: понаехавшие, гастеры, иди на завод работать, чувак, скажи что-нибудь на челябинском, вот это всё. Но это, конечно, до первого махача. Потому что я ж говорил – не боюсь ничего. То есть, совсем. Ни кулаков, ни заточек.

К директору вызывали, да. Отчислить грозилась. Мама там даже башляла что-то, на общественные нужды. Но как-то всё устаканилось. От меня отстали.

А уж потом, когда у меня реальная прописка появилась, жизнь пошла в гору!

Учился я нормально. Даже хорошо. Пару раз меня на олимпиады отправляли – по биологии и по информатике. Просто мне интересно было, поэтому давалось легко. Как-то я попал на международный уровень, и надо было ехать в Португалию. Только дорогу родители оплатить должны были, а у мамы вроде как в тот момент напряг с деньгами был. Обидно, но что делать? Жиза. Но на олимпиады рваться я после этого случая перестал после этого. А смысл?

Зато спортивная тема меня реально увлекла. Ну как спортивная? Я сейчас не про хоккеи-футболы-гимнастики-теннисы. Это, понятное дело, ресурсов требует. А у меня вроде как они ограничены были. Но спорт – это ж не только такие вот вещи, да? Воркаут – это вроде тоже спорт. Даже федерация своя есть.

В общем, так это всё и начиналось. Сначала турнички, там, динамика, финты, элементы. Потом меня в сторону паркурщиков повело. Ну и понеслась: ружинг, тарзанки, трюки... сначала просто интересно было. Потом пару раз в топ Тиктока попал, с особенно отморозенными вещами. Не то, чтобы я хвастался – но уже год, как я полностью от мамы независим. Наоборот – уже ей помогаю. Она как первое бабло от меня увидела, так сразу перестала над Тиктоком прикалываться. Вроде как поняла, что серьёзно это все.

Ну и я был горд, конечно. Можно сказать, доказал, что не зря она меня с собой таскала. Хотя видно было, что тяжело ей со мной: квартирка маленькая, пара мужиков, с которыми она начинала встречаться, сливались тихонько, как только про меня узнавали. Она хоть молодец – в глаза меня никогда не попрекала, но я ж тоже не слепой. Видно это, когда человеку с тобой тяжело. До школы был варик меня на бабулю спихнуть, и мы об этом даже говорили серьёзно. Я настраивался на жизнь в деревне под Челябиной. Но бабуля умерла раньше, чем до дела дошло. Нехорошо так говорить, но свезло мне, наверно.

С везением у меня вообще всё в порядке. Больше десятка трюков за гранью только за этот летний сезон – и хоть бы хны. Даже травм никаких: ни переломов, ни растяжений, ни царапин. Хотя, конечно, за каждым везением стоит планирование. В этом я объективно сильнее других одиночек – экстремалов. Большинство наших живут чисто на адреналине, и не уделяют подготовке достаточно пристального внимания. Особенно опытные – те, кому хорошо за двадцать, и у кого за плечами уже есть вещи вроде затяжных прыжков с вингсьютом вдоль водопада Анхель... такие в основном и бьются. Это если говорить о джамперах. А так – наш мир гораздо шире, и вовсе не ограничивается скайдайвингом. Есть еще простые дайверы, фридайверы особенно – ещё какие экстремалы. Есть спелеологи. Есть дигтеры. Есть руферы. А вот универсалов, вроде меня – мало.

На первых серьёзных трюках я поднимал до тысячи зелёных. Но постепенно ценник дошёл до десятков. Из чего складывается гонорар? Основная часть это не донаты, конечно – они вообще мало у кого заметную роль в выручке играют. Это нативка, конечно. Интеграции всякие и коллабы.

Сейчас объём пошёл такой, что в пору думать о какой-то легализации. Серьёзные компании предлагают серьёзные деньги за белые договора. Но я пока не решил – надо ли оно мне вообще. Пока хватает тех, кто готов платить битками и прочей криптой. Получается неплохо. Более, чем не плохо: за следующий трюк, который я задумал как подарок самому себе на дэрэ, я получу около трехсот штук. Не рублей, ясно дело.

Глава 2. Статика

Сложнее всего в нашем мире выдумать нечто, что никто до тебя не делал. Тогда ты можешь обеспечить себе имя на годы вперед, и спокойно стричь купоны. Можно даже на покой уйти – если вдруг гормоны отыграли, и захотелось нормальной жизни. Бывали такие ребята, которые хорошо поднялись на увлечении, а потом оплатили себе обучение на юристов-программистов, и сейчас живут припеваючи в тех местах, где тепло и снега не бывает. Но это исключение, конечно.

Я понимал, что шанс придумать нечто эдакое пропадает с возрастом. Набираешься опыта. А опыт – это ведь не только сплошное благо, как нас пытаются убедить в этом взрослые чуть ли не с самого рождения; опыт – это бесконечные ограничения. Вот хотел ты, допустим, научиться делать сальто в зацеп – начал все, как положено. И бац! Неудачная попытка – перелом. И фиг нормальный человек когда за это снова возьмется. Единицы могут пройти через серьезную травму и снова пытаться. А остальные – отходят в сторону, отказываются. Потому что опыт.

И я чувствовал, что у меня что-то такое появляется. Не страх, конечно, нет – но какой-то мандраж перед трюками, которого раньше не было. Слишком много стал в голове крутить: что, как, куда... тут ведь недалеко до вопроса «зачем?», верно?

Короче, я решил, пока не слишком поздно, повернуть реально безумную вещь.

Как-то раз, возвращаясь с мероприятия, которое организовывали знакомые по части воркаута в Казани, я специально задержался в Домодедово. Мне вообще нравится смотреть на взлетающие и приземляющиеся самолеты; я люблю путешествовать. Люблю думать о том, как буду летать по своим делам. За границу. В Штаты, в Южную Америку, в Гонконг. Может, с «Рэд Буллом» подпишу контракт, когда вся эта проклятая ковидная история закончится, и умотаю в Дубай.

Я наблюдал за тем, как самолеты величественно поднимаются в воздух, убирают шасси, разгоняются и исчезают в голубеющей дали. Тогда-то меня и стукнуло: а что, если устроить нелегальный джамп со стойки шасси?

Шума точно будет много. Могут даже Youtube-канал заблокировать... если, конечно, не сделать так, будто запись снята якобы случайно, сторонним свидетелем. С Тик-током проще будет – сделать нарезку на основе того материала, который на Youtube будет выложен...

Нормальному человеку такое в голову точно не придет. На первый взгляд, проблема на проблеме: как удержаться на стойке, когда скорость отрыва больше трехсот километров в час? Тупо ведь ветром сдует, да? Кажется – на первый взгляд. Но скажите это мотоциклистам! Нормальный зацеп на скоростных карабинах и правильный экип эту проблему решат. Зимой, конечно, придется подключать что-то совсем необычное: подогреваемое термобелье, сверхпрочные комбезы, шлема с нужными визорами... в общем, сложно, но решаемо.

С первым взглядом разобрались. Но на второй взгляд появились новые проблемы и главная, конечно же – это хватит ли высоты?

Визуально шасси, как я заметил, начинали убираться метрах на двухстах. Это совсем впритык для успешного прыжка, даже если держать вытяжку наготове. Но некоторые самолеты доходили и до трехсот, особенно те, кто покрупнее.

Уже потом, вернувшись из аэропорта и увлеченный идеей, я искал информацию о высоте полета во время уборки шасси в нете. Это было не просто: оказывается, критическим параметром, который определяет решение об уборке шасси, является совсем не высота, а скорость. И его рекомендуется убирать как можно скорее после взлета – потому что они тупо мешают самолету разогнаться, а это может быть опасно. Но, в конце концов, промучившись в разных профильных коммунaх, я нашел подтверждению своей догадке: шасси убираются на высотах

от ста до пятисот метров. Конечно, последний вариант выглядел роскошно – но фишка в том, что невозможно заранее предсказать, на какой точно высоте будут убраны шасси у конкретного самолета в конкретном рейсе. То есть, мало того, что трюк сам по себе рискованный, так еще и похож на лотерею. Такая вот экстремальная русская рулетка. В общем, мне понравилось. И я начал готовиться.

Подготовка заняла остаток лета и почти всю осень. На закупку нужного экипажа ушла значительная часть моих сбережений. Это было больно: пару раз посмотрев на ценник очередного заказа, я даже начинал сомневаться в том, что действительно этого всего хочу.

Еще сложнее было найти человека, которому я мог бы доверить съемку трюка. Друзей у меня не было. В смысле, настоящих друзей. Как-то не сложилось. Было много знакомых, с кем пересекались по разным тусовкам, но это, понятное дело, не то.

Я решил искать нужного человека среди своих подписчиков на «Тиктоке». Смотрел профили. Потом начинал общаться. Большинство отваливались уже после пары сообщений. В основном из-за тупости.

С теми, которые показались мне более-менее норм, мы продолжали общаться. Выяснялись разные детали: кто-то был слишком правильным, чтобы участвовать в том, что я задумал; кто-то оказывался сильно младше, чем можно было подумать по профилю; кто-то хотел быть круче, чем я сам. Так, постепенно, список сокращался, пока в нем не остался всего один аккаунт.

Результат отбора получился... необычным. Во-первых, финалистом была девчонка. Но это еще ладно: она, к тому же, совершенно не интересовалась экстримом. Но ее привлекала, как она сама выразилась «эстетика человеческих возможностей». В профиле стояла «левая» аватарка, а на самих роликах она никогда не показывалась. Перед встречей я попросил прислать фотку, чтобы можно было опознать друг друга. И она показала кадр жуткого качества, явно кропнутый из стоп-видео, снятого в полумраке под каким-то низким мостом.

Судя по кадру, внешность у нее была самой обычной: правильное, но маловыразительное лицо, слишком густые для девчонки брови, короткая стрижка. Она была в джинсах и сером худи с надписью на груди: «Сисподвыподвертом». Я хмыкнул, оценив юмор. Впрочем, какой там «сис» под этим «подвыподвертом» меня интересовало мало. Лишь бы нервы у нее крепкими оказались, да снимала, как надо.

Мы встретились в центре, когда выдался один из немногих солнечных дней. Было прохладно, и мы пошли греться в «Депо» на «Белорусской». Это место когда-то наделало много шума: типо, первый в Москве гастробар, все дела, переделанный из бывшего реального троллейбусного депо. Там внутри даже реальный троллейбус поставили, для антуража, наверное. В целом, место зачётное, можно зайти, когда хочется чего-нибудь эдакого, и не хочется за это переплачивать.

Когда вошли внутрь, я предложил ей выбрать точку. Почему-то был уверен, что она захочет какой-нибудь экзотики. Не Вьетнам, конечно – этого добра на любом фудкорте полно – но Тай или Индию запросто.

Но нет. Она попросила стейк. Я удивился, но спорить не стал – был при деньгах и не особо парился о мелких расходах, хотя и потратился на экипаж. Но то были стратегические инвестиции, и на повседневных расходах те траты никак не отражались.

Мы подошли к точке, за стеклянной витриной которой висели жутковатого вида заветренные туши. Она улыбнулась, и, когда подошла наша очередь, выбрала рибай «медиум рэр». Поколебавшись немного, я взял бургер. Полностью прожаренный.

– Я Лена, – наконец, представилась моя новая знакомая, протянув руку.

– Антон, – сказал я, ответив на рукопожатие.

– Красивое имя, – кивнула моя новая знакомая, – мужественное.

Я фыркнул.

– Так поняла, тебе видеограф нужен? – Лена с места перешла к делу, и мне это понравилось.

– Э-э-э... – замялся я, – в принципе, да. Но не совсем. Есть нюансы.

– Об этом можно было догадаться, – Лена улыбнулась; ее улыбка оказалась неожиданно открытой и теплой.

– В общем, то, что я хочу сделать, нельзя будет просто взять и поставить в мой акк, – сказал я, – стопудово заблокируют. А вот сторонний свидетель, который вроде бы случайно оказался рядом – может снять, все, что нужно. Выложить от себя. И уже потом на основании этих материалов я сделаю нарезку.

– Ясно, – кивнула Лена, – а теперь говори, что задумал.

Я набрал в грудь воздуха. Собрался с силами. И рассказал.

Лена некоторое время сидела, растерянно ковыряя столешницу ногтем с полусодранным маникюром. Потом посмотрела мне в глаза. Она хотела что-то сказать, но тут забибикал пластиковый «блин» – наш заказ был готов. Воспользовавшись паузой, я взял «блин» со стола и пошел забирать заказ.

Когда вернулся обратно, Лена была еще на месте. И я подумал, что это хороший знак.

– Тридцать процентов, – сказала она, когда я поставил перед ней стейк.

Я поднял брови. Подумал секунду. Потом молча еще раз протянул руку. Лена ответила на пожатие.

– От всей монетизации, – добавила она после рукопожатия, – и не вздумай что-то закрыть.

– Да что!.. – я хотел было возмутиться, но она меня перебила.

– Будем считать ты все услышал, а я все сказала. Обойдемся без этих пацанских фишек.

Я подумал немного. Потом выпустил воздух из легких и принялся за бургер.

Лена активно участвовала в подготовке, полностью погрузившись в тему. По ее рекомендации я даже заменил уже подготовленные скоростные карабины. Она где-то вычитала, что шасси на разгоне, особенно зимой, могут накопить изрядно статического электричества. Причем это электричество можно даже не ощутить, но оно может «спаять» металл карабина со стойкой шасси в месте контакта. Значит, места соприкосновений экипа должны быть из диэлектрика.

Было еще несколько таких вот «мелочей», которые она подсказала. В общем, я не пожалел ни разу о том, что выбрал ее. И самым ценным ее качеством оказалось идеальное умение держать язык за зубами: все эти несколько месяцев она ни с кем не поделилась нашими планами даже намеком. Я точно знал, что это так, потому что, если бы информация утекла – до меня точно дошли бы отголоски.

Глава 3. Аэродинамика

Накануне мы долго сидели над расписанием. Выгадывали, какой борт полетит в нужное время. Делать трюк мы решили на закате, конечно – тем более, что погоду обещали морозную и солнечную. Закатный свет добавит драматизма и эстетики. Лена была с этим полностью согласна.

За несколько недель до этого мы неплохо изучили систему охраны полос и расписание патрулей. Удивительно, но до сих пор не весь многокилометровый периметр был оборудован достаточным количеством камер. Оставались «слепые зоны», одной из которых мы и собирались воспользоваться. И еще я подумал, что, даже если бы покрытие камерами было бы сплошным, то пользы от этого охране было бы не так уж много: где они найдут столько людей, чтобы следить за каждым монитором? Тем более, что бюджет аэропорта, по традиции, регулярно «оптимизировался».

Другой проблемой была колючая проволока, которая стояла наверху ограждения на специальных мачтах, растопыренных параллельно земле с каждой стороны. Немного подумав, мы нашли выход: просто закинули пару матрасов прямо на проволоку сверху. Для того, чтобы перемахнуть забор, теперь было достаточно приставной лестницы.

– Борт включил транспондеры, – сказала Лена, глянув на экран планшета, когда лестница была установлена, – он выруливает.

– Отлично, – кивнул я. После чего покопался в кармане белого мембранного комбеза, и достал флешку. Я специально оставлял это дело на последний момент, чтобы у Лены не было меньше возможностей отказаться, – держи, – я протянул флешку ей.

Она приняла ее, с удивлением повертев перед глазами, разглядывая замысловатую графировку на чехле.

– Что там? – спросила она.

– Токены, – ответил я, – в трех криптах. Уверен, ты разберешься. Если что-то пойдет не так – передай матери половину. Хорошо? Остальное можешь забирать сама. То же самое с монетизацией – все договора действующие, не зависимо от исхода. Туда упадут еще деньги после того, как ты опубликуешь первое видео...

– ...не буду я ничего публиковать, если что-то пойдет не так! – возмутилась Лена, – так что постарайся, чтобы все прошло как надо!

– Лена, – вздохнул я, – ты, конечно же, опубликуешь все, что снимешь. При любом раскладе.

– Да с чего ты...

– С того, что это часть жизни. Таких, как я. Я всегда страховался. Просто теперь, страховка надежнее, чем простые сообщения с таймером. Верно? – я подмигнул ей.

Она вдохнула. Подумала секунду. Потом молча выдохнула.

– Ты все сделаешь? – спросил я, стараясь глядеть ей в глаза.

– Сделаю, – ответила она.

В свете разгорающегося заката ее темные глаза глядели как-то по-особенному загадочно. Я вдруг впервые разглядел, что в них есть какая-то тайна. Загадка. И даже успел пожалеть, что за эти месяцы даже не пытался с ней замутить... после прыжка надо будет обязательно это исправить.

Решив так, я улыбнулся, и полез на забор.

Между точкой в начале полосы, где я спрятался, стараясь слиться с сугробом, и предполагаемой точкой старта лайнера было метров двадцать. Очень много, учитывая, что самолеты в современном нагруженном аэропорту часто не останавливаются, вырвав на торец полосы,

а сразу начинают разгон. И я прекрасно понимал, что при плохом раскладе могу не успеть догнать борт. А это значит, что за секунду можно лишиться всех наработок за многие месяцы. И весь дорогой экипаж потеряет смысл: не представляю, к чему еще можно было бы приспособить все эти покупки...

От реальной и близкой возможности потерять все адреналин начал поступать в кровь еще до того, как я увидел приближающийся лайнер. Лежать в холодном снегу было жарко; я чувствовал, как начинает выделяться пот, пока что эффективно поглощаемый мембранным термобельем. А есть ведь еще химическая грелка, которую я собирался активировать уже в зацепе с шасси!

Сердце долбило в грудь как псих в мягкие стены изолятора.

Вот и самолет. А-330. Короткий рейс до Сочи, в не сезон. Есть все шансы, что баки далеки от максимальной загрузки, да и салон полупустой. Значит, самолет уйдет вверх свечкой, давая мне возможность совершить прыжок.

Заранее накопленный адреналин помог мне развить такую скорость с места, о которой можно было даже не мечтать на тренировках; я сам виделся себе белой молнией, мелькнувшей в красном свете заката.

Самолет притормозил буквально на пару секунд. Я едва успел запрыгнуть на опору шасси и зафиксировать карабин, как начался разгон. Ремни натянулись. Я занял удобное положение, частично спрятавшись за стойкой он упругого ветра.

Разбег длится всего лишь несколько секунд. Но время, когда выполняешь такие трюки, сильно растягиваются. Где-то на середине полосы набегающий поток воздуха стал «пробивать» мембрану. Плечи и грудь быстро остывали, и это было не очень хорошо – в прыжке нужна будет подвижность. Поэтому я, недолго думая, активировал грелку.

Когда я тестировал ее, казалось, она начинает отдавать тепло почти мгновенно. Но тут, на разбеге, прошло несколько томительных мгновений прежде, чем я ощутил нужный эффект.

Перед самым отрывом я подумал о людях, которые сейчас надо мной сидят в комфортабельном салоне, в тепле и безопасности. Я, конечно же, подумал о том, чтобы самолет ни в коем случае не пострадал, даже если у меня что-то пошло бы не так: карабины были размещены таким образом, что механизм складывания обрезал бы все удерживающие меня стропы, а оставшиеся зацепы никак не могли заблокировать ход шасси.

Но вот отрыв.

Я неплохо визуально определяю высоту. Для этого трюка критически необходимый навык.

Тридцать метров. Шасси и не думают складываться.

Пятьдесят. Движки режут на взлетном. Мне все труднее удерживаться – изменился угол атаки, набегающий поток рвет меня от стойки. Но карабины и стропы держат.

Сто метров. Минимальный порог успешного прыжка. Мысленно я улыбнулся.

Сто пятьдесят. Набор высоты продолжается. Я был прав – самолет действительно начал набор довольно резко.

Двести метров. Можно прыгать!

Я посмотрел вниз, надеясь найти взглядом Лену. Но тут сквозь перчатки ощутил гул гидравлики. Шасси начали складываться.

Я отщелкнул карабин. Оттолкнулся так, чтобы выйти из воздушного следа лайнера и приготовил вытяжку.

Дальше было приятное ощущение невесомости.

Я выбросил вытяжку. Успешно! Надо мной раскрылся основной купол.

А дальше, когда я уже мысленно праздновал победу и поздравлял себя с ДР, случилось то, что я никак не мог предусмотреть.

Самолет начал довольно резкий разворот вправо. Я сразу правильно оценил ситуацию. Но сделать что-то не было никаких шансов.

Струя от правого двигателя уперлась в купол, и он почти мгновенно погас.

Запаски у меня не было.

Снова пришло ощущение невесомости.

Странно, но даже в этот момент я не особо испугался.

Было обидно, до слез – это да, но страшно... скорее, нет. Хотя я отчетливо понимал, что сейчас погибну.

И все-таки, несмотря на трезвую оценку ситуации, я все равно пробовал барахтаться. В конце концов, зима, сугробы, может, уклон или овраг... шансы могли быть.

Но когда мне удалось перевернуться в воздухе, чтобы плашмя лечь на поток для управляемого полета, от высоты осталось метров тридцать.

Секунда.

Бах!

Глава 4. Приглашение

Несмотря на сжавшееся время, я надеялся, что боль будет мгновенной. Очень уж не хотелось мучиться. Но реальность превзошла мои самые смелые ожидания: боли не было. Совсем.

Когда я открыл глаза, то обнаружил себя стоящим по колени в сугробе, посреди какого-то поля. Судя по ощущениям, я был совершенно цел.

«Так не бывает!» – подумал я, недоверчиво ощупав комбез. Потом с раздражением отстегнул крепление строп. И только после этого обратил внимание на странное существо, которое застыло метрах в трех от меня.

Ростом оно было под два метра. Мохнатое, как йети, с черной шерстью. На пулеобразной голове два огромных уха, которые свисали до самых плеч. На морде – огромные черные глаза, в которых отражался догорающий закат. Носа, рта или каких-то других деталей видно не было. Возможно, просто мешало скудное освещение.

Наверно, любой другой на моем месте испугался бы до потери пульса. Но даже в такой ситуации способность бояться ко мне так и не вернулась. Скорее, я ощущал сдержанное любопытство и растерянность.

– Привет, – сказал я, открыв визор шлема, – ты что такое?

Существо повернулось ко мне, громко ухнуло, моргнуло третьими веками, увлажнив глаза, и ответило приятным ровным голосом:

– Говорить «что» кому-то, с кем вы еще не знакомы – как минимум не вежливо, не так ли, молодой человек?

Я фыркнул.

Мне было интересно – это на самом деле происходит, или же мой умирающий мозг подсовывает такие забористые картинки?... про опыт умирания разное говорят, я как-то даже интересовался этой темой. Типо, агония по субъективному восприятию может длиться довольно долго... но те, кого удавалось вытащить из этого состояния, говорили о «внетелесном опыте», «удивительном спокойствии» и прочем, чего я даже близко не ощущал. Все было как обычно, восприятие мира не изменилось. Только теперь рядом со мной стояло говорящее нечто.

– Однако же, несмотря на некоторую досаду из-за ошибки восприятия, с вами приятно говорить, Антон, – продолжало существо.

– Мы знакомы? – насторожился я.

– Мы? – существо снова моргнуло и сделало шаг мне навстречу; заскрипел снег, – разве что, так сказать, односторонне. Я знаю о вас все. А вы обо мне – пока что ничего.

– А вот и не правда, – ответил я, нагибаясь, чтобы достать из сугроба правую ногу и выбраться на твердый наст.

– Да? – кажется, существо искренне удивилось.

– Ага, – кивнул я, – я же тебя уже видел. Значит, кое-что о тебе уже знаю.

Существо снова ухнуло по-совиному. Я пока точно не понял, что мог означать этот звук, но предположил, что это был аналог смеха.

– Давай помогу, – оно протянуло мне огромную меховую лапу, – раз уж мы так резко на «ты» перешли.

Поколебавшись мгновение, я все же принял помощь. Ладонь существа оказалась горячей и твердой.

– Как тебя зовут? – спросил я, осторожно ступая по насту.

– Аяа, – ответил мой новый знакомый.

– И кто ты такой? – продолжал я, развивая успех.

– Это не так просто объяснить, как кажется, – ответил Айа, – очень давно я был рожден среди народа ану. Родная планета моего народа находится довольно далеко от Земли, даже по вашим меркам. Больше тысячи параллакс в секунду.

– Чего? – переспросил я.

– Это в земных единицах. Ими пользуются ваши астрономы. Ты не знал?

Я неопределенно пожал плечами. И тут, оглянувшись, заметил кое-что такое, от чего у меня впервые в жизни по спине пробежал холодок. Это еще не был настоящий страх, но что-то, очень к нему близкое.

В паре метрах от меня в насте было отверстие, повторяющее контуры человеческого тела, с раскинутыми руками и ногами. Из этого отверстия выходили стропы, которые тянулись к точно такому же куполу, который я только что отстегнул. Два одинаковых купола лежали рядом.

Я недоуменно взглянул на Айа.

– Да, я не успел даже начать тебе рассказывать, – произнес тот с виноватой интонацией в голосе, – мы долго знакомились.

Я опустился перед ямой на колени. Там, внизу, лежал некто, в точно таком же комбинезоне, как у меня. Протянув руку, я ощупал тело. Сквозь мембранную ткань отчетливо ощущалось тепло. Я почти лег возле провала в насте, чтобы перевернуть незнакомца.

Ожидая увидеть собственное лицо, я взглянул на визор. Но он был сплошь покрыт кровью изнутри.

– Я уже понял, что ты ничего не боишься, – неожиданно раздался голос над самым ухом; Айа подошел ближе и опустился перед провалом в насте на одно колено, – но не стоит. Иногда в этот момент психика ломается, потом приходится долгую реабилитацию проходить... оно тебе надо?

Я отпустил тело. Заставил себя повернуться и поглядеть в глаза Айа. Закат почти догорел, и в их глубине зажигались первые звезды.

– Какого. Фига. Это. Все. Значит? – выговорил я, нарочно разделяя слова.

– Не переживай сильно, – ответил Айа, – это подготовка на случай если ты согласишься на мое предложение. Это не ты, конечно. Хотя ни один земной судмедэксперт не отличит, – он снова ухнул.

– Предложение? – спросил я, снимая шлем. В нем становилось невыносимо жарко.

– Ну да, – Айа по-человечески пожал плечами, – я ведь не просто так тебя спас.

– Спас... – автоматически повторил я, пытаюсь осознать сказанное.

– Спас, конечно! – ухнул Айа, – иначе с тобой бы случилось то, что ты увидел.

– Ладно, – кивнул я, – допустим... так что за предложение-то, на которое я должен согласиться?

– А вот это так просто в двух словах не объяснишь, – Айа покачал головой, из-за чего его уши начали смешно трепыхаться, – поэтому давай-ка ты сначала отдохнешь, придешь в себя. После поговорим. Рассказывать мне придется много.

– Что, вот так?.. – я растерянно всплеснул руками, – что будет, если я приду домой, а потом маме позвонят те, кто найдут вот это? – я указал рукой на тело.

– Домой? – голос Айа звучал очень удивленно, – кто говорит про дом? Ты пока отдохнешь у меня!

Он протянул руку в воздух, сделал движение, как будто открывает дверь, и прямо посреди поля появился проем, за которым виднелась хорошо обставленная комната.

Внутри, при нормальном освещении, я разглядел, что у Айа есть нос. Чёрный, блестящий, очень похожий на собачий. Рот у него, конечно, тоже был, но скрывался под густой шер-

стью даже тогда, когда он говорил. Его зрачки тоже немного сузились, и теперь по краям огромных глаз было видно радужку карего цвета.

– Проходи, не стесняйся, – сказал хозяин комнаты, закрывая дверь, – присаживайся.

– Где? – растерянно спросил я: в комнате было три разномастных кресла и несколько табуретов.

– Да где хочешь, – Айа по-человечески пожал плечами, – где удобно. Кстати, если хочешь, можешь в душ сходить, – он кивнул головой в сторону неприметной двери, слева от входа, – у меня найдется халат подходящего размера.

Я поглядел на свой комбез. При нормальной температуре мне уже становилось жарковато, я чувствовал, что потею.

Хмыкнув, я начал раздеваться.

Халат действительно нашелся. Роскошный, махровый. Я даже представить себе не мог, что когда-то надену что-то подобное. А зря. Это было удивительно комфортно и удобно. Особенно после отличного тропического душа и какого-то приятного геля, который стоял на полочке. На флаконе не было никаких надписей – только изображение тропических джунглей.

После душа у меня было такое ощущение, что я вымыл не только тело, но и мозги. Думать было легко, несмотря на всю необычность ситуации. Конечно, у меня было множество вопросов, но я не стал париться на этот счет. У меня ведь было у кого спросить.

Я подошел к дальнему креслу. Оно было обтянуто зеленым бархатом, и мне понравился цвет.

Когда я уже собирался садиться, мой взгляд случайно упал за окно. Я ожидал всего, что угодно: солнечного побережья, незнакомого города или даже леса. Но там было все то же снежное поле. Даже провал в насте, где лежало тело, похожее на мое, можно было разглядеть. Но мои настоящие следы и следы Айа исчезли.

Я хмыкнул.

– Что такое? – спросил хозяин, устраиваясь в кресле напротив.

– Снаружи нас не видно, да?

– Нет, конечно, – улыбнулся он.

– Честно говоря, я ожидал, что эта дверь – что-то вроде портала, который переносит... ну, в разные места, – сказал я.

– Сериалов насмотрелся, да? – сочувственно протянул Айа и ухнул.

Я хотел вставить что-то язвительное, но не придумал, что именно. Поэтому просто промолчал.

– Так что это за место? – спросил я.

– Мой... – немного замялся Айа, – корабль. Наверно, это правильное слово. Но еще это мой дом. Кстати, если хочешь – мы можем улететь куда-нибудь. Как только убедимся, что твое тело нашли те, кому положено заниматься такими делами.

– Посмотрим, – ответил я, демонстративно не глядя в окно, – ты говорил что-то насчет предложения, да?

– Да, Антон, говорил, – кивнул Айа, – кстати, хочешь чаю? Или воды? Или кофе?

От кофе я бы действительно не отказался, но прежде, чем согласиться на предложение, я сообразил, что хозяин для чего-то тянет время.

– Позже, – ответил я, – давай сначала предложение.

Айа тоскливо глянул в окно. Удивительно, как на его заросшей густой черной шерстью мордой можно было прочитать эмоции. Наверно, дело было в глазах. Они действительно отражали чувства.

– Дай догадаюсь, – продолжал я, – каким-то образом, если кто-то найдет тело, я не смогу отказаться, да? И ты этого ждешь? Поэтому и душ предложил?

С этими словами я поднялся и направился к выходу.

– Ты куда? – хозяин тоже поднялся и пошел вслед за мной.

Я же мысленно прикидывал массу его тела и физическую силу. Сумею вырваться, интересно? По крайней мере, для него у меня точно найдется пара сюрпризов.

– Домой, – ответил я, забирая комбинезон.

– Жаль, – Айа встал в центре комнаты и грустно опустил уши, – но, видимо, не судьба. Только не задерживайся снаружи надолго, сразу начинай двигаться. До дороги прилично. А там холодает.

Я взялся за ручку двери (обычную, металлическую – у нас дверной замок похожий стоит), повернул ее и выглянул наружу.

– И что, так просто? – спросил я, – ты меня отпускаешь?

– Я не могу заставить тебя делать то, что хотел предложить, – Айа снова пожал плечами, – нужна добрая воля. Да я и не рассчитывал особо, что ты согласишься. Насчет тела не беспокойся – я уберу его, как только ты закроешь за собой дверь. Никаких следов не останется.

Я сделал шаг наружу. Отпустил дверь. Расправил комбинезон. Но в последнюю секунду, когда дверь была лишь чуть приоткрыта, я остановил ее.

– И что, мне теперь нельзя будет никому рассказывать о том, что видел? – спросил я.

– Почему же? – ответил Айа, – рассказывай кому хочешь. Только доказательств у тебя нет.

«И правда, почему я не включил смартфон сразу, как снял комбез?» – досадовал я. Но исправить уже ничего было нельзя. Он был прав. Если я уйду – никаких следов или доказательств у меня не будет. И как разумный человек я, конечно же, буду сам помалкивать об увиденном...

Лена, должно быть, сильно испугалась, когда увидела, как погас купол... запись, наверно, получилась бомбическая! Особенно когда все узнают, что я выжил.

Я вдруг отчетливо представил себе, что будет дальше. Я получу вознаграждение. Что-то отдам матери, что-то отложу на учебу... что дальше? Планировать еще один трюк? Учить дальше английский в надежде попасть в международную команду под спонсорством какого-нибудь крупного бренда? И дальше? Что я буду чувствовать, выполняя самые крутые трюки, что оставил позади, возможно, главную тайну своей жизни?

Я сделал шаг назад. И закрыл дверь – перед собой.

Айа широко распахнул уши.

– Что, остаешься? – спросил он недоверчиво.

– Остаюсь, – кивнул я, возвращаясь в кресло.

Через окно я видел, как спасатели достают тело из снежной ямы. Оно уже успело одеревенеть, и было похоже на ледяную статую в белом комбинезоне. Похоже, теперь дорога назад точно была закрыта: объяснить свое воскрешение будет очень сложно. К тому же мое появление наверняка привлечет ненужное внимание разных структур, которые занимаются подобными вещами. Я так отчетливо представил себе медицинские лаборатории, что даже вздрогнул.

– Да, я тоже не особо люблю холод, – вздохнул Айа, проследив направление моего взгляда, – и не часто бываю в ваших широтах.

– Так зачем прилетел к нам? – спросил я.

– Из-за тебя, конечно.

– Так уж из-за меня одного? – я хмыкнул, подозрительно прищурившись.

– Да, Антон, – кивнул мохнатой головой Айа, – из-за тебя. Такие как ты не часто встречаются.

Нет, конечно, мне было приятно такое признание. Только за лестью обычно следовали разные неприятные вещи: необоснованные просьбы о помощи (на самом деле перекладывание обязанностей), вопросы о деньгах взаймы и тому подобное.

– И чем же я такой особенный? – обреченно вздохнул я, ожидая очередной просьбы.

– Ты ничего не боишься. Просто большинство людей совершенно не годятся для той работы, которую я хочу предложить. Даже те, кто умеет контролировать свой страх, для этого не годятся. Потому что у любого контроля есть предел.

Вот тут я заинтересовался. Во-первых – насчет отсутствия страха это была правда. А во-вторых – я ведь и сам подсознательно двигался в том направлении, чтобы максимально реализовать это свое преимущество. Интересно, что же может мне предложить настоящий пришелец?

– Что за работа-то? – спросил я.

– Мне нужен человек, который следил бы за некоторыми... вещами, на которые люди обычно не обращают внимания. Точнее, предпочитают не обращать внимание, ради собственной безопасности, – ответил Айа, – мне нужен наблюдатель.

– Я... не очень понимаю.

– Тебе понравился мой корабль? – неожиданно спросил Айа.

Я огляделся. Да, жилая комната выглядела удивительно уютно на фоне снежного поля. Особенно если знать, что ее не видит никто посторонний. А ведь на корабле наверняка есть и другие помещения.

– Нравится, – кивнул я.

– У тебя будет похожий. Только поменьше, конечно. Но достаточно комфортный. И возможности у тебя будут такие же – его никто не будет видеть. Только если ты сам не захочешь кому-то его показать. Ты сможешь свободно путешествовать по всему миру, безо всяких ограничений.

– А если меня задержат местные власти? – тут же спросил я, – если я, скажем, просто прогуляться захочу? Не на корабле?

– Не смогут, – ухнул Айа, – кроме корабля, у тебя будут и другие возможности.

– Так все-таки. Что именно я должен буду делать? Кроме того, чтобы путешествовать в свое удовольствие?

– Скажи, Антон. Ты никогда не задумывался о том, почему Землю не посещали существа из других миров? Хотя ваши ученые уже точно знают, что пригодных для жизни планет в нашей галактике великое множество? – вместо ответа Айа задал очередной странный вопрос. Не могу сказать, что мне это понравилось.

– Нет, – честно ответил я, – не задумывался.

Айа ухнул.

– Что ж... возможно, ты просто не... хотя к делу это не относится. Дело в том, Антон, что ваш мир – сильно болен.

– Это точно! – охотно согласился я.

– Ты... знаешь? – Айа смешно растопырил оба уха; похоже, у его расы это был знак крайнего удивления.

– Да любой нормальный человек об этом знает! – кивнул я, – посмотри только, что вокруг творится: эпидемии, войны, ненависть, конфликты, которые не имеют совершенно никакого смысла! Психи, маньяки, живодеры... как можно считать этот мир нормальным?

Айа, видимо, немного растерялся, поэтому ответил не сразу.

– А ты сообразительный парень, – наконец, сказал он, – более сообразительный, чем мне показалось вначале.

Я промолчал, не зная, что ответить на это сомнительное замечание. Что он хотел сказать? Что обычно я глупо выгляжу?

– Дело в том, что Земля запрещена для контактов и посещения из-за карантина, – продолжал Айа, – вы заражены страшным паразитом.

– Большим Звездным Глистом? – усмехнулся я; почему-то его слова не воспринимались всерьез. В мире и без того достаточно проблем, что ему еще один паразит?

– Что-то в этом роде, – кивнул Айа, – только намного хуже. Потому что паразитические черви, которые поражают позвоночных, хотя бы не разумны. А эта пакость обладает разумом, волей и даже желаниями.

– Ну и почему бы вам просто его не уничтожить? – я пожал плечами, – раз вы такие могущественные? Так сказать, освободить нас? Уверен, с нашими правительствами вы бы договорились о благодарности, и все такое. Если, конечно, этот паразит и правда нам угрожает.

– Ты сомневаешься? – Айа раскрыл глаза чуть сильнее, – ну и зря. Давай я тебе покажу кое-что прежде, чем мы двинемся дальше.

– Показывай, – я пожал плечами, – чего уж там.

Айа повел правой рукой и, повинаясь его жесту, вся правая стена, вместе с развешанными на ней полками исчезла, превратившись в огромный экран.

То, что там происходило, было мне известно. Очередной школьный расстрел, который устроил съехавший с катушек изгой. Кажется, месяц назад дело было. После этого с новой силой начались заморочки с пропускной системой, а у меня, как назло, чип в карте-пропуске сломался...

Запись была полная, без купюр и блюра. Смотреть было неприятно – в конце концов, я нормальный человек. Меня такие вещи печалят и злят тем, что сделать уже ничего невозможно.

– А ты ведь даже не сильно удивлен. Верно? – сказал Айа, оценив мою реакцию, – вы уже привыкли. Как привыкли ко многому другому. Цифровая эра сильно ускорила процесс заражения. Вы быстро адаптируетесь к жестокости.

– Да, да, – вздохнул я, – уже понял. Людская жестокость – это страшный паразит, который сжирает нашу цивилизацию и не дает выйти в космос... допустим, я принял это. Тем более, что выбора уже нет. Так что давай ты просто расскажешь мне что делать, и я сделаю вид, что поверил во всю эту хрень...

– Ну вот, – вздохнул Айа, – только я решил, что ты умнее чем кажешься... нет, Антон. Через период жестокости проходят все цивилизации. Только он обычно довольно короткий. Как только приходит понимание, какие конкурентные преимущества для развития дает эмпатия – трансформация происходит очень быстро. Всего за два-три поколения гены, ответственные за агрессию и умение наслаждаться большую элиминируются из популяции. А то, что ты видишь – проявление вовсе не человеческой природы. Давай-ка я тебе покажу кое-что еще.

Кровавая бойня с экрана исчезла. Вместо нее появилось изображение какого-то ночного переулка, по левому краю которого шел высокий кирпичный забор. Несколько секунд ничего не происходило. А потом в поле зрения, воровато озираясь, вошла сутулая фигура в черном. Когда на миг ее лицо, скрытое капюшоном, попало в полосу света от ближайшего фонаря – я узнал стрелка.

Он присел, мощно оттолкнулся и повис на заборе. Я немного поморщился – его техника оставляла желать лучшего. Но, как бы то ни было, через пару минут кряхтения и сопения, он перемахнул через преграду. Камера последовала за ним.

За забором оказалось кладбище.

Стрелок долго пробирался между могил, сверяясь с одному ему ведомыми приметам. Наконец, через несколько минут он остановился перед каким-то старинным, полуразрушенным строением. Затем достал что-то из кармана и поместил это на замшелом камне у входа в склеп. Чиркнула зажигалка, потом еще раз. Парень ругнулся, потряс ее, и попробовал снова. В этот раз ему удалось зажечь толстую черную свечу.

Сразу после этого он рухнул на колени, и стал что-то быстро тараторить. Потом снова полез по карманам, достал что-то и швырнул это на камень возле свечи. Послышался звон стекла; содержимое склянок (или пробирок?) растеклось несколькими темными кляксами.

– Он что, типа, сатанист? – прокомментировал я.

– Тс-с-с! – Айа приложил ко рту мохнатый палец, – сейчас самое интересное.

Свеча потухла от дуновения ветра. Парень осекся и встал. Начал отряхиваться, бормоча что-то вроде: «Какого хрена я тут...»

Я ухмыльнулся уголком рта. И эта полуулыбка так и застыла на моем лице – потому что стрелок больше не был на кладбище один.

Рядом с ним возникла фигура, как будто сотканная из чистой тьмы. По сравнению с ней сама ночь не сильно отличалась от дня.

Парень отступил на шаг назад. Потом сложил руки в странном жесте. И фигура двинулась на него. У этой тьмы были руки, ноги и голова. И вот эта голова стала расти, разрушая человеческие пропорции. Потом, на контрасте со светом фонарей на ближайшей кладбищенской аллее, я разглядел пасть с острыми как шипы черными зубами. Эта пасть росла, пока не достигла размера человеческого роста.

Кажется, стрелок дрожал, когда эта штукавина надвигалась на него. Но убежать даже не пытался.

На миг парень исчез во вспышке тьмы. Это произошло резко – я даже отпрянул рефлекторно. А потом тьма исчезла. Стрелок снова стоял у входа в склеп. Он отряхнулся, пнул ногой огарок свечи, и бодрой походкой пошел обратно к забору. Когда он перепрыгивал через препятствие – это было настолько технично и красиво, что я даже немного позавидовал.

– Что это было? – спросил я, – демон? Какая-то потусторонняя сущность?

– Я же сказал, – вздохнул Айа, – это был паразит. Они гнездятся на вашей планете. Эта штукавина способна полностью поглотить того, в кого вселится, оставив только оболочку. Но есть один нюанс – войти в тело человека он может только в том случае, если тот этого хочет и призывает его.

– А кто делал съемку? – спросил я, – ты сам?

– Нет, – Айа покачал головой и грустно опустил уши, – не я. Другой наблюдатель.

– О, и он не имел права вмешиваться? Оставил это просто так? – заинтересовался я, – странная работенка, если честно... как спать-то после такого? Если знал, но не предотвратил?

– Он пытался, – снова вздохнул Айа, – но, к сожалению, не смог. Он погиб.

Я не испугался, конечно. Но мне впервые с момента начала нашего разговора стало по-настоящему любопытно.

– Как? – спросил я.

– Вероятно, был убит паразитом, – ответил Айа, – к сожалению, он пренебрег системами защиты по какой-то причине...

– Ясно, – кивнул я, – получается, теперь мне нужно будет выслеживать тех, кто впустил внутрь паразита? И что потом дальше делать? Сообщать тебе? Ты ведь не зря сказал, что нужен наблюдатель? Если бы требовалось уничтожить паразитов, то ты бы сказали, что нужен уничтожитель, или, там, чистильщик?

– Верно, верно, Антон, – если бы рот Айа не был скрыт густой шерстью, я бы решил, что он улыбается, – нам нужен именно наблюдатель. Но, боюсь, все не так просто. Выследить инфицированную особь совсем не сложно. По моим оценкам, паразит уже заразил до сорока процентов населения. Это близко к критическим показателям, после которой начинается разложение и угасание цивилизации. Паразиты ведут себя по-разному. Многие почти сразу убивают зараженные миры, и потом ждут миллионы лет, пока какой-нибудь незадачливый скаут другой цивилизации ступит на поверхность погибшей планеты. Но тот паразит, который поселился на Земле, необычно умный. Он намеренно сдерживает свои аппетиты, чтобы дать воз-

возможность земной цивилизации достаточно развиться. Освоить космические запуски. И направить свои споры к другим системам.

– Получается, чтобы избавиться от этой штуковины, нужно убить сорок процентов населения?.. – меня вдруг пронзила неприятная догадка, – постой ка... это не ты придумал ковид?

Айа сначала широко растопырил уши. А потом громко заухал.

– Нет, Антон, – наконец, ответил он, успокаиваясь, – это земная биосфера чувствует чужое присутствие. И борется как может. Ты ведь в курсе, какую роль в истории человечества сыграли эпидемии? Чума, лепра, холера, сифилис, корь, эбола... Такого не бывает с обычными, чистыми цивилизациями. Даже с другими видами на Земле такого не бывает. Временами погибало до половины всего населения. Но паразит, увы, все равно умудрялся уцелеть.

– Тогда я не понимаю... что я могу сделать? Как помочь? Просто смотреть, как людей пожирает эта гадость?.. Но зачем?..

– Я ксенобиолог, Антон, – ответил Айа, – и однажды мне удалось найти цивилизацию, которая смогла побороть паразита. Причем она сделала это самостоятельно, еще во время темных веков, до технологического взрыва. Несмотря на то, что мы вышли на контакт, и те существа были готовы к сотрудничеству – мы не получили рецепт излечения. Потому что информация о том периоде в их истории была очень скудной. Предания говорили только о том, что одному герою удалось найти уязвимое место этих «злых духов». И таким образом спасти свой мир. Теперь мы все ищем это уязвимое место, Антон. Я и мои человеческие помощники – наблюдатели.

– Но... что это может быть? – спросил я, – как понять, что мы нашли это уязвимое место?

Айа грустно опустил уши.

– Мне это неизвестно, Антон, – ответил он, – поэтому задача такая сложная. И, боюсь, время у нас не бесконечно.

– Почему? Паразит все-таки нас убьет?

– Нет, Антон. Паразит хочет расселиться по Галактике. А задача карантинного флота – не допустить этого. Земная цивилизация уже запускала космические аппараты, которые вышли за пределы системы. Обычно после этого зараженный мир подлежит... санации. Мне удалось получить отсрочку под экспериментальную программу, но она не бесконечна. И любые запуски за пределы системы сильно повышают риск. Конечно, ваши технологии очень примитивны, но паразит хитер. Ты слышал о том, что сейчас есть программа по созданию целого роя микроаппаратов, рассчитанных на межзвездный перелет? Уверен, это его проект. Он тоже что-то чувствует, и хочет успеть как можно скорее запустить свои споры...

– Ясно, – кивнул я, – нам нужно найти неизвестно что, наблюдая за всем миром. Иначе нас уничтожат.

– Примерно так, – покивал головой Айа.

Я промолчал.

– Но ты не расстраивайся раньше времени, – продолжал он, – время все-таки еще есть. Годы. Возможно, десятилетия. У нас есть шансы успеть. А пока давай я покажу тебе твой новый транспорт. Уверен, тебе понравится!

Глава 5. Горы

Мы перелетели аэропорт прямо над рулежками и взлетными полосами. Под нами разбегался самолет, разрывая ночь конусами огней с мельтешащими штрихами снежинок. Это было необычно. Мне понравилось. Нарушение всех правил – но при полной убежденности в безопасности.

Корабль Айа приземлимся в центре полупустого паркинга, возле терминала «Аэроэкс-пресса». Я недоуменно посмотрел на него, но тот в ответ только склонил голову и посмотрел на меня своими большими влажными глазами.

– Ты тут забыл что-то? – спросил я.

– Я же сказал: мы летим смотреть твой новый транспорт.

– Ха! Смотреть, – я улыбнулся, – отличный юмор. Хотя... ты, наверно, про взгляд изнутри, да? Снаружи-то ваши корабли невидимы!

– Не совсем так, Антон, – ответил Айа, – они невидимы только тогда, когда мы этого хотим. И они могут принимать такой вид, который нам нужен. Пойдем же!

Он поднялся с кресла и направился к двери. Мне ничего не оставалось, как последовать за ним.

На парковке было безлюдно. Необычно для такого загруженного аэропорта, даже для ночного времени. Айа смело шел среди машин, очевидно, совершенно не опасаясь, что его кто-то заметит. Глядя на его уверенное поведение, я пожал плечами и зашагал рядом.

– На камерах тебя не видно, так ведь? – спросил я, поравнявшись с моим новым знакомым.

Айа ухнул, не оглядываясь и ответил:

– Нет, конечно. Оно мне надо? Кстати, мы пришли, – он остановился возле новенькой БМВ х7 и указал на машину правой рукой, – нравится?

Я не сразу понял. Это было слишком хорошо, чтобы быть правдой.

– Вообще-то, капсула может принимать любую видимую форму, или становится совершенно невидимой, – сказал Айа, – но обычно для работы наблюдателя выбирают автомобили. Я подумал, что тебе понравится эта модель. Сейчас функционально капсула ничем не отличается от нее. Но если тебе понадобится, скажем, душ – она быстро вырастит нужный отсек.

– Это, конечно, здорово, – кивнул я, обходя машину по кругу, – но как это сделать? Практически? Приказать ей вслух?

– Можешь, конечно, и вслух, – Айа пожал плечами, – капсула настроена на твой голос. Поначалу это может быть полезно, пока вы притираетесь друг к другу. Но обычно она сама угадывает желания. Так получается гораздо быстрее и эффективнее. Увидишь! Она станет как бы продолжением твоего тела. Держи, кстати, – он вытащил откуда-то из меховых складок на своем теле черный пластиковый брусочек с логотипом автомобильного концерна.

– Бесконтактный ключ? – догадался я, осторожно принимая подарок; ключ на ощупь был теплым.

– Не только, – Айа чуть раскрыл уши, – нечто гораздо более важное. Это – твоя персональная защита и оружие. Поэтому старайся его не терять.

– Что, если он пропадет – в капсулу я больше не попаду?

– Попадешь. Она опознает тебя. И даже изготовит дубликат. Но вон ты останешься без защиты. Это произошло с наблюдателем, о котором я тебе рассказывал.

– Эх, жалко, что к школе на таком не подъедешь! – вздохнул я, – и прав у меня, кстати, нет. Не получил еще.

– Это не страшно, – Айа пожал мохнатыми плечами, – тебе не нужны права. Даже в режиме видимости тебя никто не остановит. Об этом даже не беспокойся.

– Вот как? А если мне захочется наделать шухеру? Шашечки, там, все дела?

Айа красноречиво промолчал.

– Ладно. Я понял все.

Я двинулся было к авто, гостеприимно мигнувшему габаритами.

– Насчет школы, – неожиданно добавил Айа, – никто не запрещает тебе это сделать.

– Но... меня узнают! – удивился я, – ты же не зря этот трюк с телом устроил, да? Я ж не дурак, это ведь значит, что в обычную жизнь мне больше нельзя, так?

– Тебя никто не узнает, Антон.

– Не понимаю, – насторожился я, – про меня забудут, что ли?

– Нет, – Айа покачал головой, – никто тебя, конечно, не забудет. По крайней мере, пока память о тебе не сотрется естественным путем. Просто тебя перестанут узнавать. Это небольшая подстраховка, для безопасности. Ты не представляешь, чтоб бы было, если бы о таких, как ты узнали в государственных... да и не только в государственных, если на то пошло, конторах.

Уже чуя недоброе, я наклонился и посмотрел в широкое зеркало заднего вида. Оттуда на меня глянула в ответ чужая нахмуренная физиономия.

Я рефлекторно отпрянул.

Нет, даже в этот раз я не испугался по-настоящему. Но был к этому очень близок.

Хотя фэйс в зеркале, если честно, был довольно симпатичным. Разве что принадлежал он парню постарше меня. Пожалуй, даже не парню, а молодому мужику, лет двадцати двух.

– Блин, – сказал я, когда немного пришел в себя, – могли бы предупредить хотя бы.

– Ни к чему хорошему это бы не привело, Антон, – вздохнул Айа, – дело в том, что изменение внешности происходит в соответствии с твоими скрытыми потребностями. Теперь ты стал таким, каким всегда хотел себя видеть. И будешь таким, пока являешься наблюдателем. Если бы ты знал, что начинаешь меняться – ты бы попытался сознательно контролировать процесс. А это вызвало бы нежелательные... скажем, искажения.

– Ладно, – кивнул я, – так, в принципе, тоже сойдёт. Хоть документы спрашивать не будут, если захочу пиво взять... стоп, а полночь уже была? Мне же восемнадцать! Мог бы и показать!

– Полночь уже была Антон, – кивнул Айа, – но тебе теперь до конца жизни придется обходиться без документов. Они тебе просто не нужны. Если где-то нужно будет предъявить – твой асот сделает нужную иллюзию. Но такое будет очень редко, потому что ты сможешь проникать куда угодно. Кто сможет тебя остановить.

– Асот? – переспросил я.

– Асот, – поправил Айа, указав мохнатой ладонью на автомобильный ключ, который я по-прежнему держал в руке.

– А, эта штукавина. Ясно. Стоп. А как с деньгами быть? Или эта штука меня и кормить будет?

– Если нужно – покормит, – кивнул Айа, – асот – это не только защита и помощь, но и оружие. Как именно оно будет действовать – ты поймешь сам, если вдруг возникнет угрожающая ситуация. У каждого наблюдателя это по-своему. У кого-то асот плюется огнем. Некоторые стреляют пулями или электрическими разрядами. Заранее действие предсказать невозможно, – Айа почему-то грустно вздохнул, – и, кстати, в бардачке автомобиля ты найдешь карту. Там бесконечный лимит.

– А пин? – тут же спросил я, – и ее можно будет в смартфон загнать, а то я не привык... стоп! Мой смарт!

Я растерянно похлопал по карманам комбинезона. Как я мог забыть? Мне же наверняка звонили! И, если дубликат моего тела в полиции – они могут отследить мои перемещения! Я ведь его не выключал перед трюком!

– Твой смартфон, конечно же, остался на твоём теле, – ответил Айа, и тут же поправился – в смысле, на дубликате, который забрали в морг.

Мне не понравилась его оговорка. Но с расспросами я благоразумно приставать не стал. Я мыслю, следовательно, я существую. Пока это самое главное. А дальше разберемся.

– Пин-код будет установлен, когда ты впервые воспользуешься картой. Просто введи любую комбинацию и запомни ее, – продолжал Айа.

– Ясно, – кивнул я, – значит, я беру все это. И моя задача – наблюдать? Искать уязвимость? И все?

– Верно.

– И что делать, если я ее найду?

– Если это случится, Антон. Ты станешь спасителем своего мира. Тебе больше ничего не надо будет делать.

– Я имел в виду, как с тобой связаться?

– Связаться со мной ты можешь в любое время. Просто попроси об этом свой асот.

– Ясно. И... что? На этом все? Я могу ехать? Куда угодно вообще? И спокойно тратить деньги?.. – на всякий случай я решил уточнить еще раз.

– Да, Антон, ты можешь ехать. Или лететь туда, куда тебе вздумается, – кивнул Айа, после чего добавил загадочное: – ты поймешь, что нужно делать. Все наблюдатели понимают.

– Ладно...

Я подошел к авто. Коснулся ручки – там, где был датчик бесключевого доступа. Дверь открылась.

– Ну я поехал тогда? – спросил я.

– Счастливо, – Айа поднял свою мохнатую лапу и помахал мне.

После этого мой новый знакомый развернулся и направился к двери своего корабля. Через секунду она закрылась и растаяла в воздухе. А на парковке, как по команде, вдруг появились люди. Они куда-то озабоченно спешили по своим делам, толкая тяжелые чемоданы. И даже не подозревали, что совсем рядом с ними – настоящий корабль пришельца.

Я сел за руль. Если совсем честно – опыта вождения у меня было маловато. Я пробовал ходить в автошколу, но как-то со временем не стыковалось. Да и, в конце концов, я решил повременить с получением прав. Сначала у меня не было денег на авто, а когда они появились – оказалось, что такси – очень даже хорошая альтернатива.

Но освоился я быстро. Еще до МКАДа я чувствовал себя так, как будто у меня за плечами как минимум пара десятков тысяч километров за рулем. И только когда совершеннейшим чудом я избежал столкновения с «шашечником» на «Кайене» я понял, что сама машина мне помогает.

У меня не было представления, куда ехать. Не домой же, в конце концов? Но надо было где-то переночевать. Время уже было позднее, спать хотелось. Желательно в комфорте.

Стоило мне так подумать, как на экране бортовой мультимедийной системы загорелось сообщение, выведенное красивыми, каллиграфическими буквами на зеленом фоне: «Принять конфигурацию убежища? Да/Нет».

Мне стало любопытно, что это за конфигурация такая. И я нажал на «Да».

Надпись на экране сменилось: «Конфигурация убежища требует активации режима невидимости. Активировать? Да/Нет».

Я нажал на «Да».

Появилась очередная надпись: «Режим невидимости на трассе не безопасен. Включить защитное поле или переместиться в безопасное место?»

В этот раз выбора «Да/Нет» не было. Но я догадался нажать на «безопасное место».

Дорога тут же ухнула куда-то вниз. Я почувствовал сильное ускорение; через пару секунд мы были метрах в трехстах над дорогой. В этот момент краем глаза я уловил какое-то движение. Обернулся. Салон за сиденьями водителя и переднего пассажира начал меняться.

Кузов словно раздулся изнутри, сформировав довольно большую овальную кабину, в центре которой находилась настоящая кровать. Даже постельное белье было уже запровадено, и уголок одеяла призывно откинут.

Я сглотнул, глупо улыбаясь.

– Интересно, а туалет тут есть? – произнес я вслух. И тут же часть переборки кабины, за кроватью, отъехала в сторону. За ней оказался довольно приличный санузел с унитазом и душевой кабиной.

Я хмыкнул и широко улыбнулся. Сон – это здорово. Надо только придумать, где встать. Не висеть же, в конце концов, все это время над шоссе?

– Как быстро ты летать можешь? – спросил я.

«В атмосфере допустимая скорость не более 8000 тыс км/ч» – появилась надпись на дисплее.

– А вслух ты говорить не можешь? Просто странно, что такая продвинутая электроника и не имеет голосового помощника.

– Я не совсем электроника, – послышался звонкий мальчишеский голос, – я работаю на оптических транзисторах. Так что я, скорее, оптроника. И голосовой интерфейс по умолчанию отключен. Не всем это бывает комфортно, особенно сразу после получения статуса наблюдателя.

– Постой... – сообразил я, – ты сказал – в атмосфере? А где еще ты можешь... летать? В космосе?

– Мне доступны перелеты внутри солнечной системы, – ответил голос, – со скоростью до десяти процентов от скорости света в вакууме. Но не более. Поэтому на межзвездные перелеты я бы не рассчитывал.

– Фига себе!

– И под водой, разумеется. Там скорость, правда, будет сильно меньше, чем в воздухе.

– А можешь полететь куда-нибудь... – я мысленно запнулся, перебирая варианты, – скажем, в горы? Хочу проснуться – а за окнами – заснеженные вершины. И ни души!

– Ну конечно!

«Автомобиль» чуть качнулся и, ускоряясь, начал набирать высоту. Полюбовавшись немного видами ночного города, я второй раз за вечер принял душ, разделся и лег в постель. Чистое белье приятно пахло лавандой.

– Слушай, а имя у тебя есть? – спросил я, зевнув.

– Нет, – ответила машина, управляющая моим новым транспортным средством, – многие наблюдатели дают имена своим... – голос запнулся, – блин. В вашем языке оказывается нет подходящего слова для каких, как я.

– Таким как ты?

– Ну, да. Мобильным универсальным скаутским автономным транспортом. Это так в документации говорится, если переводить дословно.

– МУСАТ, – произнес я.

– Что? – в мальчишеском голосе слышалось недоумение.

– Я буду звать тебя Муся, – ответил я, – и голос тебе придется поменять на девчоночий.

– Ну ладно, – ответила Муся, послушно сменив голос, – хотя почти все наблюдатели выбирают голоса мужского пола. Из тех, кто вообще активирует голосовой интерфейс.

– Ты много знаешь про других наблюдателей, – вздохнул я, перевернувшись на бок, – надо попросить тебя рассказать подробнее...

– Только общие данные. Нам дают их в обезличенном виде. Я довольно долго ждала назначение, так что времени было более, чем достаточно.

– Ладно, – сказал я, чувствуя, как наливаются неподъемной тяжестью веки, – выключи свет, пожалуйста. Завтра еще поговорим.

Я проснулся от яркого света и долго глядел в потолок, пытаюсь понять, где нахожусь. Куда делась моя комната? Мой стол? События вчерашнего дня путались с тревожным сном, сбивая с толку.

Судорожно вздохнув, я сел на кровати.

Обычно мы с мамой пересекались по утрам. Иногда я специально вставал пораньше, чтобы приготовить ей кофе в турке. Она благодарила меня, и уходила на работу или по своим делам.

И вот я осознал – что больше этих утренних чашек кофе не будет.

Ужаснулся своему вчерашнему решению.

Ей ведь, наверно, уже сообщили о случившемся...

Какого фига я поперся в горы? Можно было хотя бы... тут я запнулся. Хотя бы что? Явиться к ней в таком виде и сказать, что я никуда не делся? Это было бы не только глупо, но и жестоко.

Интересно, она плакала вчера? Почему-то мне вдруг стало важно это узнать. И надо проследить, чтобы Лена все выполнила! Тогда у мамы будут хорошие деньги, чтобы начать жизнь заново. Она ведь правда об этом мечтала. Говорила об этом не часто – но прорывалось иногда, искренне так...

Мне бы хотелось, чтобы она не сильно из-за меня переживала. Было бы здорово увидеть, что у нее все в порядке. Почему-то я был уверен, что так и будет. Мама начнет новую жизнь. Все у нее будет хорошо.

Но на сердце почему-то было как-то... странно. Будто давило что-то. Неприятное чувство.

Я почистил зубы (все необходимое в санузле, конечно же, было), умылся, надел термобелье и перебрался за руль.

Мы стояли на узком карнизе, среди исполинских заснеженных вершин. Солнце подсвечивало ледники нежно-розовым; это было невероятно красиво. В другое время я бы застыл на какое-то время, просто любуясь волшебным моментом. Но сейчас это буйство прекрасного не вызывало у меня ничего, кроме раздражения.

– Муся... – позвал я, удивляясь, каким сухим и скрипучим стал мой голос, – полетели домой.

Девчоночий голос грустно вздохнул. Потом сказал:

– Тоша, я теперь твой дом...

– Тоша? – рассердился я, – какого фига?

– Извини, я думала, тебе приятно будет.

– Меня даже родная мать так не называет! Не называла...

– А как она тебя называет? – спросила Муся; я про себя отметил это обращение в настоящем времени. И впервые проникся к этому автомату симпатией.

– Ну... по-разному. Но чаще всего Антон.

– То есть, как все остальные? Ну ладно. Могу просто Антоном звать, если...

– Хотя стоп, – перебил я, – можешь называть меня Тошей. И даже Тохой. Если вдруг захочешь. Я не против.

– Ладно Тош, – сказала Муся.

– Но давай все-таки полетим к моему... бывшему дому? Ладно?

– Я не знаю, где он находится. Нам такой информации не дают.

Я вздохнул и назвал адрес. После этого машина взлетела, оставляя внизу сказочные вершины.

Глава 6. Похороны

Когда мы оказались возле дома, я долго не решался заглянуть в окна своей квартиры. Просто сидел возле подъезда в машине, которая снова выглядела как обычное престижное авто. Благо нашлось свободное место на парковке.

Я долго не мог разобраться в своих эмоциях. Почему я не хотел посмотреть, что происходит? Как мама держится? Неужели я боялся? А, если так, то чего именно? Маминых слез? Или полного равнодушия?

Если быть совсем честным – мне не хотелось видеть ни того, ни другого. Но разве могла быть какая-то середина, которая меня бы устроила? Не знаю. Но это странное состояние мне совершенно не нравилось. Едва ли это был настоящий страх все-таки. Скорее, дискомфорт. Как от камешка в туфле.

Сжав челюсти, я заставил себя сказать:

– Двенадцатый этаж, второе окно справа от входа. Сможешь нас туда поднять так, чтобы я мог заглянуть внутрь? И чтобы никто нас не заметил?

– Полминуты, – ответила Муся, – сделаем. Надо только отвести глаза нескольким людям, которые сейчас на нас смотрят.

Я не ответил. Только неотрывно смотрел в окно, ожидая, когда мы начнем подниматься.

Мама никогда не задергивала шторы в большой комнате, даже в темное время. А сейчас, днем, даже тонкая тюль была сдвинута в сторону.

Мама ходила по комнате и вытирала пыль специальной тряпкой, изредка брызгая на мебель полиролью. Я помнил этот запах, который почему-то маме нравился, но раздражал меня. Впрочем, об этом я предпочитал благополучно помалкивать.

Мама наводила порядок. Точно так, как это делала всегда на выходных. Словно бы и ничего не случилось. На минуту я даже засомневался: может, ей еще не сообщили? Но потом заметил, что большое зеркало, видневшееся через распахнутые двери в прихожей, накрыто огромным махровым полотенцем. Кажется, так делают так, когда кто-то в доме умер.

Сначала я почувствовал, как с плеч свалилась огромная гора. Теперь я точно знал, что мама – не пропадет. А потом вдруг к горлу подкатил ком. Это было странное чувство: вроде печалится не о чем. Да, моя жизнь изменилась очень сильно – но разве не об этом я так мечтал? Я разом получил то, о чем другие не смеют и помыслить. У мамы вроде тоже все хорошо будет... так что не так-то?

Я отвернулся от окна и задумчиво посмотрел вдоль улицы. И не сразу обратил внимание на знакомый ярко-красный длинный пуховик, который часто надевала Лена, когда мы встречались в городе.

Я пригляделся. Да, это была именно она! Шла, сосредоточенно нахмурившись и глядя себе под ноги.

– Давай вниз! – скомандовал я.

– Я не могу приземлиться на дорогу, – ответила Муся, послушно начиная спуск, – за сектором наблюдают. Глаза отвести – нужно время.

– Я выпрыгну! Я же могу стать невидимым, да? Айя вроде говорил...

– Да, конечно. Только Асот не забудь!

Я схватил брелок, оставленный на пассажирском сиденье вчера вечером. Как же тут включить невидимость-то? Айя не сказал... тогда я сделал то, что хорошо работало с Мусей, пока она не начала говорить. Пожелал это. И увидел, как моя рука растворилась в воздухе!

Только спрыгнув с высоты двух метров в снег, я понял, что невидимость вовсе не защищает от погоды. Было довольно прохладно. А на ногах у меня были только носки, мгновенно

намокшие. «Еще только простыть не хватало, – с досадой подумал я, – и наследить, вдобавок...»

Я сделал шаг, потом оглянулся. К моему удивлению, никаких следов не наблюдалось. Неужели сложно при таком раскладе было сделать так, чтобы хотя бы ноги не мокли!

Едва я успел это подумать, как тут же почувствовал, что ледяная влага из носков исчезла. Теперь стопам было сухо и комфортно.

Я улыбнулся и шагнул вперед. Как раз вовремя – для того, чтобы успеть аккуратно перехватить закрывающуюся за Леной дверь, и скользнуть в подъезд.

К счастью, лифт приехал большой, грузовой. Иначе я не был уверен, что решился бы ехать с Леной в узкой кабинке. Очень уж легко было задеть случайно. А она бы наверняка дико испугалась.

Не обнаружив звонка, Лена уже подняла кулак, чтобы постучать, но тут дверь открылась. На пороге стояла мама в домашнем халате. Увидев Лену, она улыбнулась уголками рта, и приглашающе махнула рукой.

– Лена, верно? – произнесла она, – я Людмила Валентиновна. Проходи.

Теплый воздух из квартиры пах домом. Наверно, поэтому я застыл на пару секунд и не успел скользнуть в дверь вслед за Леной.

Постояв немного в нерешительности: может, открыть дверь с помощью Асота? Эта штука наверняка могла это сделать. Но почему-то я не решился. Было ясно, для чего Лена пришла. Не сомневался, что она исполняла мое неофициальное завещание. А мне почему-то не очень хотелось видеть, как мама отреагирует, узнав, что я оставил ей довольно много денег...

Вздыхнув, я молча спустился вниз. Постоял какое-то время невидимым у подъезда.

Начинался снег. Подняв голову, я ловил ртом пушистые снежинки, как в детстве. И очень старался поменьше думать и чувствовать.

– Ты знаешь, в какой морг отвезли ме... то есть, тело, которое вместо меня? – спросил я Мусю без особой надежды на положительный ответ. В конце концов, она ведь просто контур управления моим необычным транспортом, а не универсальный шпион.

– Конечно, знаю, – неожиданно ответила она, – летим туда?

Я подумал секунду.

– Стоп. То есть, где мой дом – ты не знала. А в какой морг отвезли мое тело ты вдруг знаешь?

– Ага, – мгновенно ответила Муся, – я не знаю, почему от нас скрывают домашние адреса наблюдателей. Чаще всего это выясняется довольно быстро. Но сами получить такую информацию мы не можем, факт. Наверно, остаток какого-нибудь древнего протокола.

– Древнего протокола, говоришь...

– Ага. Но это только предположение.

– Ладно, – сказал я, – раз уж знаешь, где тело – то полетели туда.

– Если тебе вдруг интересно, – продолжила Муся, – то опознание состоялось еще вчера. Следствие не возражает против выдачи тела. Твоя мама утром договорилась с похоронной конторой, так что, скорее всего, и похороны будут сегодня.

– Ого! – удивился я, – не думал, что это так быстро!

По крайней мере, теперь ясно, почему мама порядок наводила. Наверно, к поминкам готовится.

– Обычно нет, – чуть насмешливо сказала Муся, – но тут, похоже, Ая постарался.

– Вы знакомы?

Муся фыркнула.

– А как думаешь, кто меня перегнал на парковку? И потом, он единственный мастер-оператор склада. Так что именно он меня активировал. Других приемных родителей я не помню.

«Приемных родителей?» Только теперь я понял, как мало знаю про родной мир Айа. Это что же, у них автоматы считаются живыми? Ладно, потом выясним. По ходу дела.

До больницы добрались минут за пятнадцать. Глядя сверху, догадаться, где находится морг было не сложно: во-первых, возле него на специальной парковке стояли специальные автобусы с табличками «ритуал», во-вторых – рядом был небольшой храм.

Больница была небольшая, муниципальная. Так что дорогими катафалками тут и не пахло.

Я попросил Мусю снизиться до высоты пяти метров. А вдруг выдачи моего тела уже тоже кто-то ждет? Я поискал взглядом знакомые лица. Группки скорбящих родственников кучковались возле входа в учреждение. Кто-то пил водку на морозе, закусывая бутербродами с салом. Кто-то искренне горевал. Кто-то не мог справиться с шоком. Таких было видно по глазам: широко открытым и не верящим в реальность происходящего.

Внимательно оглядев всех присутствующих, знакомых я не обнаружил.

– Твои подъедут через пару часов, – заметила Муся.

– Ну и какого фига мы сюда так рано приперлись? – ответил я с раздражением.

– Я думала, ты хочешь посмотреть место... – машина умудрилась интонацией передать обиду. Да настолько удачно, что мне действительно стало немного стыдно.

– Вот еще, – ответил я, – нафиг оно мне надо... хотя... знаешь, да, ты права. Мне стоило на это взглянуть. А что, после этого все сразу на кладбище поедут?

– Да, Антон, – сказала Муся, – иногда еще заказывают службы поминальные в храмах. Или в этой часовне, – к моему удивлению, небольшая церковь у морга мигнула желтым; интересно, это проекционный экран такой на окне? Или другая технология? Надо спросить будет потом, – но твоя мама отказалась от этой части.

– А что, священник на кладбище будет, да? Ну, там, молитвы читать? Рассказывать про покойного?

– Тоша, ты что, на похоронах ни разу не был? – притворно удивилась Муся.

– Не был, – ответил я, – и что такого? Когда бабушку хоронили, я на хозяйстве остался. Но, кажется, да – ее сначала в церковь возили.

– Ясно. В общем, нет. У тебя будет только гражданская панихида, непосредственно у могилы.

Я промолчал. Меня сложно назвать примерно верующим, хотя я и крещеный. Наверно, отпевание и все дела денег стоят. А до сегодняшнего дня мама не знала, что я что-то оставил... наверно, разумно было экономить, в конце концов.

– Понятно. Значит, тут ничего интересного не будет...

– Ну, кроме выноса тела, – добавила Муся.

– По-твоему это интересно?

– Мы, искусственные личности, немного зациклены на теме смерти. Тебе это сложно будет понять, для тебя это неизбежность, биологически запрограммированная. Ты с детства знаешь, что умрешь. А с нами все не так просто. Поэтому да, мне интересно все, что с этим связано. Я еще очень молода, и несу свою первую вахту.

– Да ладно, – отмахнулся я, – тело-то все равно не настоящее. Меня там нет! Это же подделка! Так что не так уж и интересно, да?

– Это Айа тебе так сказал?

– Да... а что?

– Нет, ничего, – поспешно ответила Муся, – ничего. Значит, так и есть.

– А вот на кладбище я бы побывал, – продолжал я, – на свою могилу посмотреть все-таки надо.

– Думаю, тебя больше интересует кто придет на похороны. А не просто могила, – мне показалось, или в ее голосе слышались нотки ехидства? Не слишком ли быстро этот автомат приобретает черты реальной личности?.. а даже если так – уверен ли я, что это плохо? Если она будет совсем как настоящая?

– Может и так, – ответил я, и зачем-то добавил, нарочито грубо: – тебе-то что?

Когда гроб опускали в могилу, был закат. Такой же, как тогда, когда я прыгнул: яркий, при почти ясном небе. Большая редкость для столичного региона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.